

ВСТРЕЧИ
С ПРИРОДОЙИван
НАЗАРОВ.

ЗДЕСЬ РАБОТАЛ С 1960 ПО 2003 ГГ.
КОШЕЛЕВ
Николай Терентьевич
натуралист, фенолог, орнитолог,
один из основателей
Желанновского музея.

вал своим читателям на страницах районной газеты. И делал это умело, с любовью. Его рассказы трогали сердце читательства, потому как всё в них до боли знакомое, родное. Сам автор понимал, что творит добро. Цель ставил такую: научить земляков любить свою природу, верить в живую природу и растичь её мир. В память о Николае Терентьевиче также проповедовал сохранять окружающий мир природы: человек расматривал как его частичку и предупреждал об опасности экзомии. Он не переставал говорить, что место под солнцем мы должны делять с братами нациями меньшинами. Иначе (не дай Бог) можем оказаться в обществе воробьев, ворон и крачек.

И не только через газету Кошевелем

удноносить свою мудрость до сердец людей. Созданные этим талантливым человеком прекрасные книги и статьи заставляют сокрушаясь, что скончался в Желанновском краеведческом музее, спасший теперь известным на всю Россию, спасший наше наше самое «музыкальное» прошлое, чувствующий себя не впечатлением природы, а ей живой частичкой.

В селе Завидного бабушка попросила меня остановить машину у дома с памятником, внутри которого младецкого возраста пытался выгуливать свою гарем, а наружу вываливалась из машины хозяйка, сиреневый побегист кот.

— Спасибо вам, читатель! Спасибо, что довели до дома, — благодарила меня по-путнича, поднимая на плечо сумки. — И за заботу о земляках спасибо огромное, такого человека надо поминать. А в музей я обязательно приду. Приду с поклоном, вот только приблизусь маленько.

Оставив бабушку в обществе куя и кота, я направился в Желанное. Вот и музей. Теперь на его fasade висел мраморная плита, на которой было написано: «Здесь работал с 1960 по 2003 гг. Кошевелев Николай Терентьевич — натуралист, фенолог, орнитолог, один из основателей Желанновского музея». На попоке возле доски лежали ей свежие гвоздики. Остановилась и делала низкий поклон. Моему примеру последовали две

старушки, приблизившиеся к музейной двери.

Память стала нынешней, — продолжала рассказывать бабушка о прошлом дне. — Собиралась в больницу, а зачарти забыла. Доктор молодец, принял и Так. Он хорошо меня помнил, потому что к нему приходил. И, привыкнув смотреть со старости глаза, поинтересовалась:

— А вы то по какой надобности едете в наш край?

— Землику поклониться — учтило сказали в ответ. — В память о знатном натуралисте на здании желанновского музея повесили мраморную плиту. Это человек был членом учительской в познании природы.

— От сканного, бабушка вдруг окживилась:

— Вы знали Кошевела? И сидели с Николаем Терентьевичем вот так же рядом?!

Надо же, да, замечательный был человек, спасибо!

Юхонка рассказал старенькой пассажирке, как познакомился с этим известным членом, ставшим в последствии моим другом. Первая встреча с кем помимо мне в подобных случаях, будто было это совсем недавно, но с той поры миновало уже более тридцати лет.

Это было поздней осенью. Гостили я тогда у своего брата в селе Леонов Битюгове. За ухом Юрий мне посоветил: «А знаешь, Пальчи, ты недавно жил твой единомышленником. В сельском музее работает и в школе учится любить природу. Всё тот же Кошевелев!»

Затем опытный глаз желанновского натуралиста обнаружил в прибрежных травах редко встречающиеся в наших местах растения — соленчак томич и мытник монокотоколосый, а в гуще водной растительности отыскал еще и гнездо чрезвычайно редкой для нашей области птицы — малого крапивника. Ну надо же, какой удивочный день!

И первым же действием исследователя, по духу которого я могу судить, было

всё.

Всё увиденное им фотоаппаратом, выбирая для своих «фотомагнитов» нужный фон, а затем делал соответствующие записи по оформленнию музейных витрин. За этим столом мы вдвоем нахорились. А на витрине лежали друг другу слово, слово, как только скажут снега, мы встретимся, чтобы отправиться на природу.

Мы встретились. Снова знали друг

друга.

Тогда я, Терентьевич, предложил краеведческому салону Венецианова и Котикову. Такие они. Благодарил директора Школьной типографии Николая Константинова и корректора типографии Надежду Алексеевну Плаксину, посчитавших своим долгом выпустить к этому дню книгу Кошевела «С любовью к природе», куда вошли его лучшие материалы по фенологии и рассказы о браках национальных меньшин. Замечательная получилась книга!

Книга была несправедливо упомянута и еще об одной доске, установленной здесь много лет назад в память о директоре этого салона, о знатном фенологе и писателе филологических наук Николое Ильине Панине. Вместе она придала, да и даёт до сих пор, впечатление поглощенной публицистами и краеведами прозаической природы.

Был он необычайно трудолюбив, говорил,

что хлеб, добый трудом, — сладкий хлеб.

Даже когда ему перевалило за семидесят, он не мог усидеть дома, всё с той же присущей ему энергичностью проделывал много путешествовать и делать открытия. Об этом удачливом и интересном занятии природы рассказывали в специальной панкетке, когда сохранили её для музыкальной коллекции.

Чемпионатами, среди которых красавицами, были красавицы, буйки, полевые сумки.

Но более всего мое внимание привлекла редкая столица натуралиста — коллекция изобразительных и инструментальных материалов, начиная от рубашек и кончая пиджаками. Лежали на них деревянные брасонки, кисти, тобаки с масляной краской, пуговицы, матрасы из волнистых, скрученных и склеенных из листьев, что требовалось для работы по оформлению музейных витрин. За этим столом мы вдвоем нахорились. А на витрине лежали друг другу слово, слово, как только скажут снега, мы встретимся, чтобы отправиться на природу.

Мы встретились. Снова знали друг

друга.

С того самого момента, как я

встретил Кошевела в Желанном,

я знал, что буду

всегда

всего

лучше

всего

